

средства для прославления в художественных образах классовых побед дворянства и того строя, при котором были возможны предельная эксплуатация крестьянства, и грабительские войны, и благоденствие класса хищников. Классические аллегории, исполненные по программам Львова, выражали идеальный строй дворянского государства.

С другой стороны, дворянству, вышедшему на историческую арену после упорной и жестокой борьбы, были свойственны: эмпиризм мышления и чувственное, материальное восприятие мира. Верный слуга монархии в своей общественной практике — дворянин хотел быть «самому себе хозяином» и на свободе пользоваться всеми земными благами в своем доме, в своей усадьбе, в частной жизни.

Портрет и пейзаж, презренные Винкельманом, но санкционированные Дидро, стали излюбленными жанрами в русской живописи.

Винкельман прививал русским «любителям художеств» вкус к «антикам», Дидро — помогал им разбираться в новой западной живописи.

Львов был одним из ранних поклонников классицизма в Петербурге. Выписка из «Истории искусства древности» в одной из его тетрадей доказывает, что он изучал Винкельмана в 1781 г.¹ Труды Дидро — крупнейшего авторитета западной эстетики и недавнего «приятеля» Екатерины — вероятно были его настольной книгой.

В 1781 г. Львов ездил в Италию. Он записывал свои впечатления при осмотрах картинных галлерей. Тетрадь с этими записями, вероятно, содержала ценный материал для характеристики его художественных взглядов.² К сожалению, мне пришлось ознакомиться с ее содержанием лишь по статье В. В. Верещагина «Путевые заметки Н. А. Львова 1781 г.» в журнале «Старые годы».³

Автор статьи не усмотрел в записях Львова ничего кроме русского невежества, «бесталанных впечатлений» и суеверного ужаса перед нагим женским телом. Однако даже те немногие цитаты, которые он приводит в качестве «курьезов» и в доказательство «беспредельной наивности» Львова, свидетельствуют о том, что друг Державина был на высоте западноевропейской эстетики и со свойственной ему остротой высказывал свои впечатления.

В. В. Верещагин полагает, что отрицательное отношение Львова к Рубенсу было продиктовано отвращением к женскому телу.

Львов пишет о Венере Рубенса: «полная, голая, толстая купчиха, бесстыдно обнажающая отвислые свои прелести, толстые ляжки и красную кожу. . .» Об острове Цитеры — «торговая фламандская баня, наполненная непристойностями. . .»

¹ Тетрадь Н. А. Львова в кожаном переплете. Архив Пушкинского дома; л. 622.

² Тетрадь находилась в коллекции Н. К. Сипягина.

³ Старые годы, 1909, № 4—6, стр. 276—282.